

М. Грулев

Записки генерала-еврея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Грулев**
Записки генерала-еврея / М. Грулев – М.: Книга по Требованию, 2024. –
254 с.

ISBN 978-5-519-19500-3

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1930 года.

ISBN 978-5-519-19500-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОЕ ИСПОВѢДНОЕ СЛОВО.

Я родился и выросъ въ еврейской семьѣ, въ чертѣ еврейской осѣдлости, отдѣлявшей евреевъ, казалось, непроходимой пропастью отъ всякаго доступа къ какой бы то ни было карьерѣ государственной службы. И, однако, волей судьбы, я сталъ генераломъ генеральнаго штаба, на пути занять мѣсто временно-исправляющаго должность военнаго министра въ (1909 г.) и ѣздить съ докладомъ къ Николаю II...

Все это не въ какое нибудь кипучее время революціонныхъ переворотовъ, а въ эпоху наибольшаго успокоенія и блеска самодержавной власти, — когда евреевъ на пушечный выстрѣлъ не подпускали не то что къ генеральскимъ лампасамъ, а даже и къ ефрейторскимъ «лычкамъ», — когда даже при приѣмѣ въ нѣкоторыя учебныя заведенія встряхивалось происхожденіе чуть ли не до второго и третьяго поколѣнія.

Если отмѣчаю эту превратность судьбы, какъ исходный пунктъ моихъ воспоминаній, въ самомъ началѣ моихъ записокъ, то дѣлаю это отнюдь не съ цѣлью заинтриговать читателя интересными метаморфозами, а для того, чтобы отмѣтить, мимоходомъ, насколько въ разное время измѣнчивы были взгляды творцовъ нашей внутренней политики, и насколько, въ конечномъ итогѣ, безсильны всѣ эти законодательные поутуги, пытающіяся пошехонскими запрудами задержать могучій потокъ жизни.

Одушевляетъ меня и другая цѣль дать въ печать эти записки. Моя сознательная жизнь не только зародилась, но и получила первоначальное развитіе въ еврейской средѣ, въ

заплеснѣлыхъ условіяхъ недоброй памяти черты осѣдлости. А затѣмъ, дальнѣйшая моя жизнь развернулась въ совершенно другой средѣ, при совершенно иныхъ понятіяхъ и взглядахъ и при другой обстановкѣ. Это обстоятельство ставитъ меня, до извѣстной степени, внѣ и выше тѣхъ и другихъ социальныхъ перегородокъ со всѣми ихъ предвзятыми взглядами и предразсудками, и даетъ возможность, даже при скромной наблюдательности, освѣтить критическимъ анализомъ хорошія и дурныя стороны въ этихъ противоположныхъ социальныхъ лагеряхъ.

Скажутъ, пожалуй: «А голосъ крови? А прирожденныя симпатіи и антипатіи?»

Словъ нѣтъ, эти данныя неизбежно тяготѣютъ надъ нашими сужденіями и взглядами. Однако не такъ ужъ неотвратимо, какъ это кажется, и, во всякомъ случаѣ, ихъ вліяніе умѣряется умственной зрѣлостью, настойчивой объективностью и естественной для каждаго нормальнаго человѣка врожденной любовью къ правдѣ, — въ особенности, когда всѣ счеты съ жизнью покончены и приходится подводить итоги.

Самое важное, что я старательно и неусыпно держалъ всегда подъ свѣтомъ моей совѣсти, — это было то, что по мѣрѣ силъ я боролся, пассивно или активно, противъ несправедливыхъ обвиненій и гоненій на евреевъ. Слѣдуя, вотъ въ этихъ случаяхъ, «голосу крови» и велѣніямъ сердца, я, въ то же время, видѣлъ въ такой борьбѣ сокровенное и разумное служеніе Россіи, моей Родинѣ, по долгу совѣсти и принятой присяги.

За пятьдесятъ лѣтъ моей литературной, публицистической и служебной дѣятельности я этому знамени никогда не измѣнялъ.

Двадцать лѣтъ жизни въ тѣсной еврейской средѣ были, правда, достаточны для того, чтобы дѣтская и юношеская воспримчивость впитала въ себя не только сокровенную любовь ко всему родному, но и не мало еврейскихъ суевѣрій и предразсудковъ того времени. Но — развѣ, съ другой стороны, пятьдесятъ лѣтъ послѣдующей зрѣлой жизни въ другой средѣ, при совершенно иныхъ социальныхъ условіяхъ,

недостаточны для того, чтобы эти предрасудки разсѣялись, какъ туманъ при яркомъ свѣтѣ, оставивъ въ тайникахъ сердца доподлинно лишь голосъ крови, — врожденную любовь и жалость къ своему многострадальному народу*)? Развѣ эти пятьдесятъ лѣтъ умственной и трудовой жизни, при новомъ міровоззрѣніи, недостаточны, чтобы сроднить съ новой средой, претворить въ ней впечатлѣнія дѣтства и заложить прочный фундаментъ вполнѣ сознательнаго влеченія къ новымъ идеаламъ, понятіямъ и взглядамъ?

Теперь, на склонѣ семидесяти двухъ лѣтъ, наступило время подводить итоги, — итоги двумъ полосамъ моей жизни. Для одной я постараюсь быть безпристрастнымъ повѣствователемъ и критикомъ еврейской жизни конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ; — когда - то воспѣтыхъ мною въ стихахъ на древнееврейскомъ (библейскомъ) языкѣ. Вторая полоса моей жизни даетъ мнѣ возможность повѣдать много интереснаго совершенно изъ другой области, — изъ того, что я видѣлъ, слышалъ и самъ творилъ, какъ активный дѣятель, по своему служебному положенію и по своей литературной и публицистической дѣятельности, начиная отъ «Голоса» Краевского и кончая «Общимъ Дѣломъ» В. Л. Бурцева.

М. Грулевъ.

---

*) И я дѣйствительно испыталъ это на зарѣ моей зрѣлой жизни, когда въ 1880 г., во время еврейскаго погрома въ Варшавѣ, будучи юнкеромъ въ Варшавскомъ училищѣ, я, подъ влияніемъ «голоса крови», схватилъ свою казенную винтовку и совершенно одинокій, если угодно, — донкихотствующимъ рыцаремъ, бросился на улицу Налевки призывать евреевъ къ самооборонѣ, не отдавая себѣ отчета въ весьма печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ могло повести мое никѣмъ не понятое, незамѣченное, и даже бесполезное самопожертвованіе.

Часть I.

Г Е Т Т О

Глава I.

ДѢТСТВО ВЪ ЧЕРТѢ ОСЪДЛОСТИ

Чтобы не витать внѣ времени и пространства, я долженъ сказать нѣсколько словъ о времени и мѣстѣ моего рожденія. Это — отнюдь не для того, чтобы запечатлѣть въ анналахъ исторіи основныя данныя, касающіяся моей персоны, а чтобы рассказать попутно, какъ опредѣлялись акты рожденія среди евреевъ въ прежнее время, и что стало въ наши дни съ моей родной колыбелью, гор. Рѣжицей, Витебской губерніи, превратившейся въ какую-то Латгалію, даже внѣ предѣловъ Россіи.

Точно опредѣлить время рожденія въ еврейской средѣ не такъ просто, какъ это бываетъ при метрическихъ записяхъ въ церковныхъ приходахъ, или въ гражданскихъ учрежденіяхъ. Прежде всего у евреевъ нѣтъ обычая праздновать день рожденія, — ни вначалѣ, ни впослѣдствіи. Въ библейской литературѣ проводится даже мысль, что выдѣленіе дня своего рожденія есть актъ нескромности: всѣ мы рождаемся ничтожными, и только въ дальнѣйшемъ или заслуги въ жизни дѣлаютъ насъ достойными вниманія, или же мы проходимъ нашъ жизненный путь, какъ незамѣтныя тѣни. По этому одному уже ясно, что актъ рожденія ребенка не связанъ какой-нибудь регистраціей религіознаго или юридическаго характера. Конечно, русскія власти, въ своихъ видахъ, завели впослѣдствіи казенныхъ раввиновъ, которые должны были регистрировать гражданскіе акты у ев-

реевъ; но такъ какъ институтъ казенныхъ раввиновъ имѣлъ чисто формальный характеръ, то всѣ ихъ акты были довольно проблематичны. Такъ шло дѣло до введенія всеобщей воинской повинности, въ 1874 году, связанной, какъ извѣстно, съ опредѣленнымъ возрастомъ. Тогда отъ евреевъ потребовали представленія посемейныхъ списковъ, опредѣленіе возраста по наружному виду и пр.

Но если у евреевъ не было юридическихъ или религиозныхъ актовъ, опредѣляющихъ день рожденія ребенка, то были другія безспорныя данныя, опредѣляющія возрастъ — по крайней мѣрѣ, для мальчиковъ: это — день наступленія религиознаго совершеннолѣтія, когда мальчику исполнится 13 лѣтъ («баръ мицве»). Въ религиозномъ сознаніи евреевъ внѣдрена увѣренность, что до 13 лѣтъ за грѣхи мальчиковъ отвѣтственны родители, а съ 13 лѣтъ мальчикъ самъ отвѣчаетъ за свои грѣхи и поступки. День религиознаго совершеннолѣтія мальчика, нѣчто вродѣ перваго причастія у католиковъ и лютеранъ, почитается домашнимъ праздникомъ: приглашаются гости, и виновникъ торжества — не знаю, какъ теперь, а такъ было въ годы моего дѣтства — долженъ блеснуть въ кругу знакомыхъ специальной диссертацией изъ талмуда («дроше»), нарочито приготовленной къ этому дню подъ руководствомъ «меламеда» (учителя).

Мнѣ, конечно, не пришлось блистать моей «дроше», потому что въ день моего религиознаго совершеннолѣтія я уже находился въ русскомъ училищѣ, являясь пионеромъ среди еврейскихъ мальчиковъ моего городка. Въ кругу моей семьи этотъ день, однако, вспомнили. И такъ какъ мои покойные родители для моего «баръ мицве» болѣе надежнымъ образомъ исчислили день моего рожденія, чѣмъ для казенныхъ посемейныхъ списковъ, то и я могу установить, что родился я не 20 мая 1858 г., какъ значитса во всѣхъ моихъ документахъ, а 20 августа 1857 г.

Мнѣ кажется нелѣпымъ, что по теперешней географіи выходитъ, что меня, какъ родившагося въ г. Рѣжи-

цѣ, Витебской губ., могутъ считать уроженцемъ не Россіи, а какой-то Латгаліи, которая никогда не значилась ни въ какихъ курсахъ географіи, о которой никогда не слышали мы сами, жители этой самой Латгаліи. Однако, бросая теперь, какъ говорится, ретроспективный взглядъ на этотъ уголокъ бывшей Россійской Имперіи, надо признать, что тамъ дѣйствительно имѣлись на лицо кое-какіе признаки инородческой окраины. Въ праздничные и базарные дни, когда наѣзжали крестьяне, преобладалъ всюду чуждый говоръ — латышскій языкъ; господствующее мѣсто въ городѣ занимала не православная церковь, а католическій костелъ. Русскія власти старались перевести базаръ въ новую часть города, за рѣкой, и насадить тамъ новую жизнь, но это плохо удавалось: вся торговля, базары, магазины, всѣ жизненные функции города и его населенія видно крѣпко срослись со старой нерусской частью города; а на противоположномъ концѣ города, далеко за рѣкой, оставались изолированными присутственныя мѣста, православная церковь, разныя казенныя учрежденія и квартиры чиновниковъ.

Откуда въ еврейской семьѣ взялась моя чисто русская фамилія?

Вопросъ этотъ на первый взглядъ долженъ казаться, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Какимъ же и преобладать фамиліямъ среди русскихъ уроженцевъ Россіи, — будь то среди евреевъ или другихъ инородцевъ? Но кто же не знаетъ сколько этотъ вопросъ чреватъ былъ въ Россіи всевозможными скорпіонами для ущемленія исключительно евреевъ за перемѣну именъ и фамилій еврейскихъ на имена и фамиліи русскія. Конечно, имѣю въ виду не перемѣну имени и фамиліи, какъ завѣдомо гражданскій подлогъ съ юридическими послѣдствіями, а лишь изъ побужденій чисто психологическаго, хотя бы и утилитарнаго характера.

Казалось бы, что тутъ удивительнаго или предосудительнаго? Развѣ мы не видимъ русскихъ, задержавшихся въ Америкѣ, переиначившихъ свои имена и фамиліи на

американскій ладъ? Полковникъ гвардіи Александровъ превращается въ «мистера Александра», Иванъ Ивановъ пишетъ на своей визитной карточкѣ «Джонъ Джонсонъ». Это совершенно естественное общечеловѣческое стремленіе по возможности не выдѣляться въ той средѣ, гдѣ приходится жить. Не только негры, заброшенные судьбой въ среду бѣлыхъ, охотно перемѣнили бы свой черный цвѣтъ кожи, если бы это отъ нихъ зависѣло, но, думается мнѣ, что и бѣлые, очутившись среди негровъ, — если бы имъ удѣлили тамъ такія гражданскія права, какъ евреямъ въ Россіи, — постарались бы даже покрасить себя черной ваксой, не то что перемѣнить фамилію.

Мало того, мы видимъ, что такія стремленія свойственны не только отдѣльнымъ лицамъ, но и большимъ коллективамъ — цѣлымъ народамъ. Казалось бы, чѣмъ провинилась у турокъ традиціонная турецкая феска, унаслѣдованная отъ отцовъ и дѣдовъ? И вотъ они ее мѣняютъ теперь даже у себя, въ Турціи, на шляпы и фуражки, — только потому, что весь міръ носитъ не фески, а шляпы и фуражки; туркамъ даже у себя дома хочется походить на все человѣчество, — и они мѣняютъ свой головной уборъ. Сотни милліоновъ китайцевъ носятъ косы; и даже сосѣдніе народы, подъ вліяніемъ китайской культуры, отростили себѣ косы. А теперь, послѣ того, какъ китайцы вышли изъ своей замкнутой жизни на міровую арену и увидѣли, что большинство человѣчества безъ косъ, — они начинаютъ стричь свои косы.

Настолько вообще людямъ свойственно по-волчьи выть, когда приходится среди волковъ жить. Но когда евреи въ Россіи проявляли стремленіе перекраивать свои имена и фамиліи на русскій ладъ, то русскія власти считали это криминальнымъ дѣломъ, — судили, штрафовали и пр. Правда, это подлаживаніе у евреевъ въ Россіи, помимо психологическаго импульса, носило и утилитарный характеръ. Еще бы! Человѣка подвергаютъ всевозможнымъ уколамъ и пыткамъ, когда его зовутъ